

ной мордой лица... Поймать похожесть и точность — а портрет должен быть похожим, это неперемное условие — это очень трудно. Мало женщин рисовал: они все хотят быть моложе и красивее, а мне хочется рисовать складки и буераки. Я помню, нарисовал Маргариту Алигер. Она посмотрела и говорит: «Боречка, портрет очень хороший, только вы его никому не показывайте!».

— Я тоже обратил внимание, что мужчин в этой галерее гораздо больше. Мне симпатичны там самые разные люди, которых я лично знал, — например, Булат Окуджава, и те, к кому относился с большим пиететом. Например, Зиновий Герлт...

— Герлт был человек прелестнейший, гостеприимный и доброжелательный. Звоню: «Зямушка (а мы давно знакомы), я хотел бы портрет ваш нарисовать». Он говорит: «Приезжай, мой хороший!»

Я приехал на дачу к нему, сидим, рисуем. Он уже болен, печалится: «Ты понимаешь, в чем дело, вот полгода Булат не

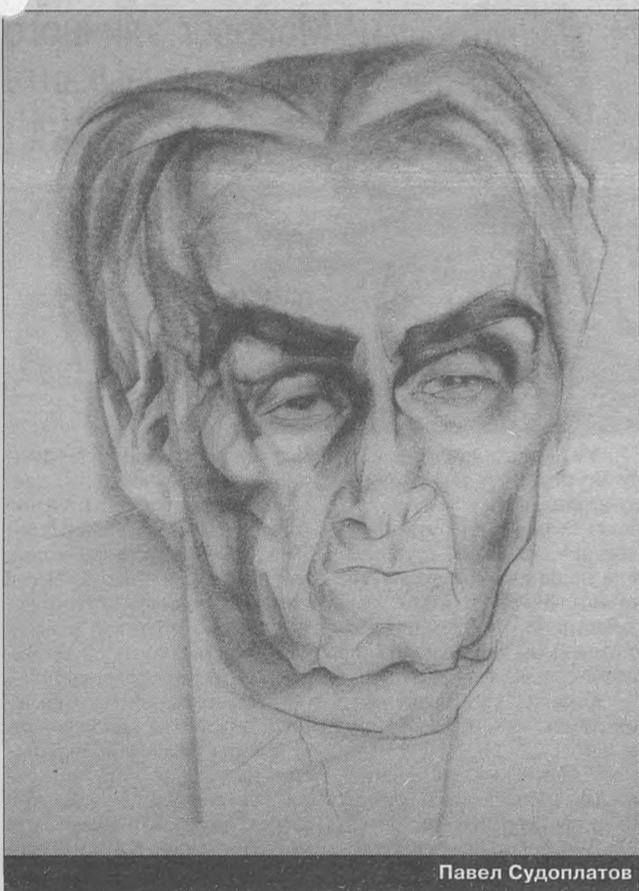
ледующую жизнь, проходил мимо. Его побаивались даже. Он так мило, деликатно что-нибудь такое скажет, от чего остатки волос выпадают...

— Империи, галерею последних людей которой ты создал, уже нет. Люди «последние» еще есть. Кого бы тебе хотелось нарисовать из тех, кого ты не включил еще в эту серию?

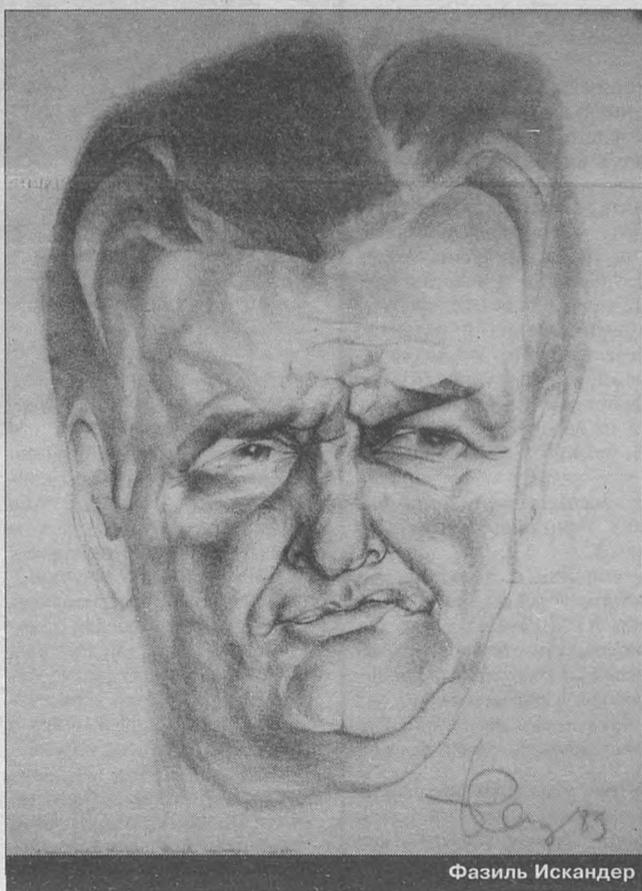
— Многих... Хотелось бы нарисовать Горбачева. Я абсолютно убежден, что это личность Истории. Нарисовал бы с удовольствием Ельцина, это тоже человек Истории. Тем более что я знал его еще по Свердловску: он играл в волейбол за Уральский политех, а я — за «Уралмаш». Но политика меня не так сильно интересует и занимает. Да и надо признаться, что помельче стала публика, помельче...

— Вот об этом я хотел сейчас тебя спросить. Ты ведь наблюдаешь людей. Что изменилось в этих лицах, в персонажах ушедшей эпохи? Что появилось нового в лицах новых людей нового времени?

ВСТАЛО В ПОЗУ, ПОЗИРОВАЛО

Павел Судоплатов

Фазиль Искандер

досадно ввязываться в их отношения. Для него История была родным домом. Он говорил: «Невозможно представить себе будущее, невозможно жить в будущем, поэтому я живу в прошлом». Больше десяти лет прошло после его смерти, а при упоминании имени Натан Эйдельман нет человека, который оказался бы равнодушным.

Такими же были и Лева Разгон, и недавно умерший Даниил Семенович Данин. Эти люди, оказывается, с годами становятся частью твоего тела и твоей жизни. А поскольку твоя жизнь утончается, то они увеличиваются как составляющая твоего пребывания во времени.

Нашей жизнью управляли страх и любопытство, точнее сказать, любопытство страха. Вот ты сегодня начал спрашивать про Хрущева и про Судоплатова,

а не про интеллигентов, поэтов, писателей, художников. Ты начал со страха, сопровождавшего нашу прожитую жизнь. На самом деле все наши разговоры — это проблемы выживания в обстоятельствах, которые нас окружали. Чем мы сейчас отличаемся от более молодой публики? Та свобода, та кушая свобода, которая пришла сегодня в нашу страну и на нашу землю, им кажется нормальной мелочью, необходимой категорией, но недостаточной. В прошлые времена мы не могли себе даже представить, что можно так жить.

— А кого труднее всего было рисовать из «последних людей Империи»?

— Трудно — вряд ли, потому что это — ремесло, и ремесло отточено. Кто-то получался, кто-то иногда не получался — это бывало, но нечасто. Трудно рисовать красивых людей, трудно рисовать человека с медаль-

звонит и не приходит. Ну что такое? Мы же друзья... А этот (имярек) все время приходит... Да налей-ка водки, давай за Тоника (Натан Эйдельман. — В.Т.) выпьем. Давай выпьем за нашего хорошего. Как нам жалко! Как нам жалко!.. Ты знаешь, недавно в Одессе был, зимой — ранней весной. Приехал: снег идет, сырость, трясь, какая-то гостиница жалкая. Я зашел туда: простыни мокрые, я свернулся калачиком, утром встал, весь продрог, думаю, надо пойти чего-нибудь горяченького выпить. Выхожу на улицу: солнце, чайки летают. Я хромаю по улочке. Две еврейки стоят в подворотне в тапочках. Одна другой говорит: «Хая, посмотрите, какие погоды». Другая отвечает: «Да, как жалко тех, кто умерли вчера»... Он был роскошный, но с бешеным достоинством. Если кто-то повел себя дурно, он не подавал руки, не кланялся ему всю пос-

— Ремесло, профессия, страх и время на лицах откладывают свой отпечаток. И ты не можешь себе представить, чтобы римский гладиатор был с лицом современных генералов. Это же не генералы теперь, это просто должностные лица в погонах. А вспомним Чуйкова, или Рокоссовского, или Жукова — и сравним их с мордами сегодняшними...

Время накладывает отпечаток. Наше время вялое, трусливое, жалкое. Они ни в чем не уверены, они ничего не диктуют, они все время за кого-то базарят или, как теперь говорят, лоббируют. Они — мелкая публика, и по мордам это видно. Кукольный театр из этих людей был бы одно удовольствие.

● Владимир ТОЛЬЦ
Фото из личного архива
Бориса ЖИТОВСКОГО